

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Первой книге молодого автора редко удается пробить себе дорогу к широкой читательской аудитории. Еще реже выдерживает она испытание временем.

Немногие из начинающих писателей приходят в литературу с уже накопленным жизненным опытом, со своими наблюдениями и мыслями.

Одним из счастливых исключений в ряду первых писательских книг была «Республика Шкид», написанная двумя авторами в 1926 году, когда старшему из них — Г. Белых — шел всего лишь двадцатый год, а младшему — Л. Пантелееву — не было еще и восемнадцати.

Вышла в свет эта повесть в самом начале 1927 года, на десятом году революции. Всё у нас было тогда ново и молодо. Молода Советская республика, молода ее школа, литература. Молоды и авторы книги.

В это время впервые заговорило о себе и о своей эпохе поколение, выросшее в революционные годы.

Только что выступил в печати со звонкой и яркой романтической повестью, озаглавленной тремя загадочными буквами «Р. В. С.», Аркадий Голиков, избравший впоследствии псевдоним «Аркадий Гайдар». Это был человек, прошедший суровую фронтную школу в тогда еще молодой Красной Армии, где шестнадцатилетним юношей он уже командовал полком.

Авторы «Республики Шкид» вошли в жизнь не таким прямым и открытым путем, каким вошел в нее Гайдар. Оттого и повесть их полна сложных житейских и психологических изломов и поворотов.

Эту повесть написали бывшие беспризорные, одни из тех, кому судьба готовила участь бродяг, воров, налетчиков. Осколки разрушенных семей, они легко могли бы докатиться до самого дна жизни, стать «человеческой пылью», если бы молодая Советская республика с первых лет своего существования не начала бережно собирать этих, казалось бы, навсегда потерянных для общества будущих граждан, сделавшихся с детства «бывшими людьми».

Их брали из «нормальных» детдомов, из тюрем, из рас-
пределительных пунктов, от измученных родителей и из от-
делений милиции, куда приводили разношерстную беспри-
зорщину прямо с облавы по притонам... Пестрая ватага рас-
пределялась по новым домам. Так появилась новая сеть дет-
ских домов-школ, в шеренгу которых стала и вновь испечен-
ная «Школа социально-индивидуального воспитания имени
Достоевского», позднее сокращенная ее дефективными оби-
тателями в звучное «Шкид».

Должно быть, это сокращенное название, заменившее со-
бою более длинное и торжественное, привилось и укорени-
лось так скоро потому, что в новообразованном слове
«Шкид» (или «Шкида») бывшие беспризорники чувствова-
ли нечто знакомое, свое, созвучное словечкам из уличного
жаргона «шкет» и «шкода».

И вот в облупленном трехэтажном здании на Петергоф-
ском проспекте приступила к работе новая школа-интернат.

Нелегко было обуздать буйную ораву подростков, сызма-
ла привыкших к вольной, кочевой, бесшабашной жизни.
У каждого из них была своя, богатая приключениями био-
графия, свой особый, выработанный в отчаянной борьбе за
жизнь характер.

Многие воспитатели оказывались, несмотря на свой зре-
лый возраст, наивными младенцами, очутившись лицом к
лицу с этими прожженными, выдавшими виды ребятами.
Острым, наметанным глазом шкидцы сразу же находили у
педагога слабые стороны и в конце концов выживали его или
подчиняли своей воле. На ребят не действовали ни грозные
окрики, ни наказания. Еще рискованнее были попытки за-
игрывать с ними. Сам того не замечая, педагог, подлаживав-
шийся к ребятам, становился у них посмешищем или не-
вольным сообщником и должен был терпеливо сносить не
только издевательства, но подчас и побои.

Всего лишь нескольким воспитателям удалось — да и то
не сразу — найти верный тон в отношениях с питомцами
Шкиды.

Но, в сущности, упорная борьба двух лагерей длится чуть
ли не до самого конца повести. Один лагерь — это «халдеи»,
довольно пестрый коллектив педагогов во главе с неистоци-
мым изобретателем новых тактических приемов и маневров,
заведующим школой Викниксором. Другой лагерь — орда лу-

кавых и непокорных, ничуть не менее изобретательных шкидцев.

То одна, то другая сторона берет верх в этой борьбе. Иной раз кажется, что решающую победу одержал Викниксор, наконец-то нашедший путь к сердцам ребят или укротивший их вновь придуманными суровыми мерами. И вдруг шкидцы преподносят воспитателям новый сюрприз — такую сногшибательную «бузу», какой не бывало еще с первых дней школы. В классах и залах громоздят баррикады и учиняют дикую расправу над «халдеями».

Шкида бушует, как разгневанная стихия, а потом так же неожиданно утихает и снова входит в прежние границы.

На первый взгляд, герои Шкиды — бывалые ребята, прошедшие сквозь огонь, воду и медные трубы, отчаянные парни с воровскими повадками и блатными кличками — Гужбан, Кобчик, Турка, Голый барин (шкидцы переименовали не только свою школу, но и друг друга и всех воспитателей).

Но сто́ит немного пристальнее взглядеться в юных обитателей Шкиды, как под лихими бандитскими кличками вы обнаружите искалеченных жизнью, измороженных долгим недоеданием, истеричных подростков, по нервам которых всей тяжестью прокатились годы войны, блокады, разрухи.

Вот почему они так легко возбуждаются, так быстро переходят от гнетущей тоски к иступленному веселью, от мирных и даже задушевных бесед с Викниксором — к новому, еще более отчаянному восстанию.

И все же нравы в республике Шкид с течением времени меняются.

Правда, это происходит куда менее заметно и последовательно, чем во многих книгах, авторы которых ставили себе целью показать, как советская школа, детский дом или рабочая бригада «перековывает» опустившихся людей. Казалось бы, неопытные литераторы, взявшиеся за биографическую повесть в восемнадцати-девятнадцатилетнем возрасте, легко могли свернуть на эту избитую дорожку, быстро размотать пружину сюжета и довести книгу до благополучного конца, минуя все жизненные противоречия, зигзаги и петли. Но нет, движущая пружина повести оказалась у молодых авторов тугой и неподатливой. Они не соблазнились упрощениями, не сгладили углов, не обошли трудностей.

Перед нами проходит причудливая вереница питомцев Шкиды разного возраста и происхождения.

Даже самих себя Л. Пантелеев и Г. Белых изобразили с беспощадной правдивостью, лишенной какой бы то ни было подкраски и ретуши.

Сын вдовы-прачки, способный, ловкий, изворотливый Гришка Черных, по прозвищу Янкель, рано променял школу на улицу. С жадностью глотает он страницы «Ната Пинкертона» и «Боба Руланда» и в то же время занимается самыми разнообразными промыслами: «обрабатывает двумя пальцами» кружку с пожертвованиями у часовни, а потом обзаводится санками и становится «советской лошадкой» — ждет у вокзала приезда мешочников, чтобы везти через весь город их тяжелый багаж за буханку хлеба или за несколько «лимонов».

А вот другой шкидец, одетый в рваный узкий мундирчик с несколькими уцелевшими золотыми пуговицами. До Шкиды он учился в кадетском корпусе.

«— Эге! — восклицает Янкель. — Значит, благородного происхождения?»

— Да, — отвечает Купец, но без всякой гордости, — благородного... Фамилия-то моя полная — Вольф фон Офенбах.

— Барон?! — ржет Янкель. — Здорово!..

— Да только жизнь-то моя не лучше вашей... тоже с детства дома не живу.

— Ладно, — заявил Япошка, — Пускай ты барон, нас не касается. У нас — равноправие».

И в самом деле, в Шкиде нет имущественных и сословных различий. Все равны. Однако и здесь появляются среди ребят свои хищники.

В Шкиде, как и в голодном Петрограде времен блокады и разрухи, голод порождает спекуляцию.

Неизвестно откуда появившийся Слаенов, подросток, «похожий на сытого и довольного паучка», дает в долг своим отощавшим товарищам осьмушки хлеба и получает за них четвертки. Скоро он становится настоящим богачом — даже не по шкидским масштабам, — уделяет долю своих хлебных запасов старшему отделению, чтобы с его помощью властвовать над обращенными в рабство младшими ребятами. Все это продолжается до тех пор, пока республика Шкид не обрушивается на опутавшего ее своей сетью «паучка» со всей свойственной ей внезапной яростью и неистовством.

Рабство в Шкиде упраздняется, долги аннулируются:
«Нынче вышел манифест. Кто кому должен, тому крест!»

Так понемногу преодолевает Шкида болезни, привитые
улицей, толкучкой, общением с уголовным миром.

Тот, кто внимательно прочтет эту необычную школьную
эпопею, с интересом заметит, какой сложный и причудли-
вый сплав постепенно образуется в Шкиде, где увлекающий-
ся педагогическими исканиями Викниксор пытается при-
вить сборищу бывших беспризорных чуть ли не лицейские
традиции.

В одной и той же главе книги шкидец Бобер напевает на
мотив «Яблочка» характерные для того времени зловецкие
уличные частушки:

Эх, яблочко
На подоконничке!
В Петрограде появились
Покойнички...

И тут же хор шкидцев затягивает сочиненный ребятами
по инициативе Викниксора торжественный гимн на мотив
старинной студенческой песни «Gaudeamus».

В этом школьном гимне, которым Викниксор рассчитывал
поднять у ребят чувство собственного достоинства и уважения
к своей школе, строго выдержан стиль и ритм стихотворного
латинского текста, рожденного в стенах университетов:

Мы из разных школ пришли,
Чтобы здесь учиться.
Братья, дружную семьей
Будем же труди-и-тсья!..

А в самые тяжелые для Шкиды дни, когда в ней вспыхну-
ла бурная эпидемия воровства, заведующий школой опять,
по выражению шкидцев, «залез в глубокую древность» и вы-
тащил оттуда социальную меру защиты от преступников,
применявшуюся в Древней Греции, — остракизм.

Вопрос о том, кого подвергнуть остракизму, поставили
на закрытое голосование.

Еще так недавно все шкидцы были связаны круговой по-
рукой, нерушимым блатным законом: «Своих не выдавать!»

Но, предлагая новую крутую меру, Викниксор чувствовал, что лед тронулся: Шкида уже не та, на нее можно положиться.

И в самом деле, только меньшинство голосовавших возвратило листки незаполненными. Да и то по мотивам, которые были четко выражены в надписи на одном из листов: «Боюсь писать — побьют».

А большинство ребят нашло в себе мужество назвать имена коноводов, которые всего лишь за несколько дней до того задавали в Шкиде буйные и щедрые пиры и катали босоножую компанию по городу в легковом автомобиле.

Этот товарищеский суд был, в сущности, крупнейшей победой Викниксора в борьбе со шкидской анархией и воровством. Нанесен был решительный удар круговой поруке, развечана бандитская удадь.

Нелегко было победить романтику уголовщины.

Викниксор хорошо понимал натуру своих питомцев, их склонность ко всему острому, необычному, яркому. Поэтому-то он и старался изо всех сил увлечь их всё новыми и новыми оригинальными и причудливыми затеями. Ребята на первых порах относились к ним довольно насмешливо, но понемногу втягивались в изобретенную Викниксором своеобразную педагогическую игру.

Так были придуманы школьная газета, затем герб и гимн школы, потом самоуправление — республика (откуда впоследствии и возникло заглавие повести) и наконец остракизм, перенесенный с площадей Древних Афин в школу для дефективных на Петергофском проспекте.

Но в своих непрерывных поисках новых педагогических приемов Викниксор не всегда уходил «в глубь веков». Вместе с пристрастием к некоторой экзотике ему свойственно было живое чувство реальности и современности.

Перебирая характеристику и биографии самых безнадежных шкидцев с длинным перечнем их преступлений и наказаний, он напряженно думал:

«А все-таки что-то еще не использовано. Что же?..»

И тут он понял, что им упущено самое главное: трудовое воспитание.

Четверых самых злостных виновников кражи, получивших наибольшее число записок при голосовании, Викниксор после долгого раздумья решил перевести в Сельскохозяйственный техникум.

С горьким чувством покидала эта четверка Шкиду. На вокзале один из четверки — Цыган — решительно заявил: «Убегу!»

Но он не убежал.

Спустя некоторое время товарищи получили от него из техникума пространное письмо.

«... Викниксор хорошо сделал, что определил меня сюда, — писал он. — Передайте ему привет и мое восхищение перед его талантом предугадывать жизнь, находить пути для нас. Влюблен в сеялки, молотилки, в племенных коров, в нашу маленькую метеорологическую станцию... Я оглядываюсь назад. Четыре года тому назад я гопничал в Вяземской лавре, был стрёмщиком у хазушников. Тогда моей мечтой было сделаться хорошим вором... Я не думал тогда, что идеал мой может измениться. А сейчас я не верю своему прошлому, не верю, что когда-то я попал по подозрению в мокром деле в лавру, а потом и в Шкиду. Ей, Шкиде, я обязан своим настоящим и будущим...»

В статье «Детство и литература» (1937 г.) А. С. Макаренко, говоря о повести Белых и Пантелеева, отзывается о ней так:

«... Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи».

И в самом деле, неудач, срывов и метаний в работе педагогического коллектива республики Шкид было немало. Подчас он проявлял по отношению к своим питомцам чрезмерный либерализм, а иной раз прибегал к таким давно осужденным советской педагогикой мерам, как дневники, похожие на кондуит, и карцер.

Однако же считать всю деятельность Шкиды сплошной педагогической неудачей было бы едва ли справедливо, хоть у талантливого, но не всегда последовательного Викниксора не было той стройной и тщательно разработанной системы, какой требовал от воспитателей А. С. Макаренко. Не хватало ему иной раз и выдержки, необходимой для того, чтобы справиться со стихией, бушевавшей в Шкиде.

Автор «Педагогической поэмы» подходит к петроградской школе имени Достоевского как строгий критик-педагог, резко и решительно осуждающий распространенное тогда в литературе любование романтикой беспризорщины.

Настороженность, с какой он читал повесть бывших беспризорников, вполне понятна.

Но не надо забывать, что «Педагогическая поэма» была итогом долгого опыта воспитательной работы, а «Республику Шкид» написали юноши, только что покинувшие школьную парту.

И все же им удалось нарисовать правдивую и объективную — «добросовестную», по выражению А. С. Макаренко, — картину, выходящую далеко за рамки школьного быта.

В этой повести со всей четкостью отразилось время. Сквозь хронику «Республики Шкид» с ее маленькими волнениями и бурями проступает образ Петрограда тех суровых дней, когда в его ворота рвались белые и в городе было слышно, как «ухают совсем близко орудия и в окошках дзинькают стекла». И даже после того как был отражен последний натиск врага, улицы городских окраин еще были опутаны колючей проволокой и завалены мешками с песком. Город, стойко выдержавший блокаду, только начинал оживать, приводить в порядок разрушенные и насквозь промороженные здания, восстанавливать заводы, бороться с голодом и спекуляцией. Но черный рынок — толкучка — все еще кишел всяким сбродом — приезжими мешочниками, маклаками, продавцами и скупщиками краденого. И среди этой кипящей, «как червивое мясо», толпы шныряли бездомные или отбившиеся от дома ребята, с малых лет проходившие здесь школу воровства.

В лихорадочной суете толкучки металось и судорожно дышало обреченное на гибель прошлое.

Работая над своей книгой, молодые авторы понимали — или, вернее, чувствовали, — что без этого фона времени их школьная летопись оказалась бы куда менее серьезной и значительной.

Но, в сущности, не только в повести, а и в самой школе, о которой идет в ней речь, можно проследить явные приметы времени. В Шкиде, как и за ее стенами, еще боролся отживающий старый быт с первыми ростками нового. И в конце концов новое одержало верх.

Об этом убедительно говорят сами же питомцы Шкиды.

Вспомним письмо Цыгана и его же слова, сказанные в то время, когда он был уже не шкидцем и не учеником техникума, а взрослым человеком, агрономом совхоза: «Шкида хоть кого исправит!»

Встречи бывших шкидцев, пути которых после выпуска из школы разошлись, чем-то напоминают «лицейские годовщины», хоть буйная, убогая и голодная Шкида так мало похожа на Царскосельский лицей.

Встречаясь после недолговременной разлуки, молодые люди, уже вступившие в жизнь, с интересом оглядывают друг друга, как бы измеряя на глаз, насколько они изменились и повзрослели, сердечно вспоминают отсутствующих товарищей, свою необычную школу и ее доброго, чудаковатого руководителя, которого в конце концов успели узнать и по-настоящему полюбить.

Если бы деятельность этой школы была и в самом деле всего только «педагогической неудачей», ее вряд ли поминали бы добром бывшие воспитанники.

Но, пожалуй, еще больше могут сказать о Шкиде самые судьбы возвращенных ею людей.

Недаром пели они в своем школьном гимне:

Путь наш труден и суров,
Много предстоит трудов,
Чтобы выйти в люди...

Среди бывших питомцев Шкиды — литераторы, учителя, журналисты, директор издательства, агроном, офицеры Советской Армии, военный инженер, инженеры гражданские, шофер, продавец в магазине, типографский наборщик.

Это ли педагогическая неудача?

Однако заслугу перевоспитания бывших беспризорных и малолетних преступников нельзя приписать целиком ни Викниксору (хоть он и вложил в это дело всю душу), ни лучшим из его сотрудников. Никакими усилиями не справились бы они с непокорной, разнохарактерной и в то же время сплоченной вольницей, если бы на нее одновременно не влияли другие — более мощные — силы.

О том, что именно сыграло решающую роль в судьбе шкидцев, можно узнать, прочитав один из рассказов Л. Пантелеева.

Этот рассказ, носящий заглавие «Американская каша», написан в форме открытого письма к бывшему президенту Соединенных Штатов Гуверу, основателю АРА — Ассоциации помощи голодающим.

Обращаясь к президенту, Л. Пантелеев говорит:

«... Я в то время не был писателем. Я был тем самым голодающим, которым вы помогали.

Я был беспризорным бродягой и в тысяча девятьсот двадцать первом году попал в исправительное заведение для малолетних преступников. Я выражаюсь вашим языком, так как боюсь, что вы меня не поймете. По-нашему, я был социально-запущенным и попал в дефективный детдом имени Достоевского...»

Очевидно не надеясь на литературную осведомленность президента Гувера, Пантелеев считает нужным вполне серьезно пояснить:

«... Достоевский — это такой писатель. Он уже умер».

А затем продолжает:

«В этом доме нас жило шестьдесят человек.

Хорошее было времечко.

Для вас — потому, что недавно лишь кончилась мировая война и ваша страна с аппетитом поедала и переваривала военные прибыли...

Для нас это время было хорошим потому, что уже заканчивалась гражданская война и наша Красная Армия возвращалась домой с победными песнями, хотя и в рваных опорках. И мы тоже бегали без сапог, мы едва прикрывали свою наготу тряпками и писали диктовки и задачи карандашами, которые рвали бумагу и ломались на каждой запятой. Мы голодали так, как не голодают, пожалуй, ваши уличные собаки. И все-таки мы всегда улыбались. Потому что живительный воздух революции заменял нам и кислород, и калории, и витамины...»

Дальше в «Письме к президенту» рассказывается, как в благотворительной столовой АРА кто-то перечеркнул химическим карандашом крест-накрест лицо Гувера, самодовольно поглядывавшего с портрета, и под портретом написал: «Old devil» («Старый дьявол»).

Случилось это вскоре после того, как на стоявшем в петроградском порту американском пароходе «Old devil» офицер в фуражке с золотыми звездами жестоко избил повара-негра, бросившего шкидцам с борта какой-то пакетик.

Кто именно перечеркнул портрет Гувера чернильным карандашом, ни автор «Письма президенту», ни его тогдашние товарищи не знали, но на грозный вопрос: «Кто это сде-